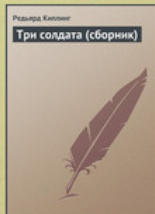

Редъярд Киплинг

Драка с призраком

*Часть сборника
Три солдата (сборник)*

Редьярд Джозеф Киплинг

Драка с призраком

Серия «Три солдата»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6648358

Аннотация

«В ложбине, позади ружейных мишеней состоялся великолепный собачий бой между Джоком Леройда и Блюротом Орзириса; в каждом была некоторая доля крови рампурских собак, и оба бойца почти целиком состояли из ребер да зубов. Забава длилась двадцать восхитительных минут, полных воя и восклицаний; потом Блюрот свалился, а Орзирис заплатил Леройду три рупии, и всем нам захотелось пить. Собачий бой – развлечение, от которого делается очень жарко; я уже не говорю о крике, но во время драки рампуры носятся взад и вперед на пространстве трех акров...»

Редьярд Киплинг

Драка с призраком

* * *

В ложбине, позади ружейных мишеней состоялся великолепный собачий бой между Джоком Леройда и Блюротом Орзириса; в каждом была некоторая доля крови рампурских собак, и оба бойца почти целиком состояли из ребер да зубов. Забава длилась двадцать восхитительных минут, полных воя и восклицаний; потом Блюрот свалился, а Орзирис заплатил Леройду три рупии, и всем нам захотелось пить. Собачий бой – развлечение, от которого делается очень жарко; я уже не говорю о крике, но во время драки рампуры носятся взад и вперед на пространстве трех акров. Позже, когда звон поясных пряжек о горлышки бутылок затих, наша беседа о собачьих боях перешла на толки о всевозможных столкновениях между людьми. В некоторых отношениях люди похожи на оленей. Рассказы о боях и драках будят у них в груди какого-то беспокойного бесенка, и они принимаются реветь друг на друга, точь-в-точь олени, вызывающие один другого на бой. Это заметно даже в людях, которые считают себя гораздо выше простых рядовых, что с очевидностью доказывает облагораживающее влияние цивилизации и дви-

жение прогресса.

Один рассказ породил другой, и каждый требовал добавочного пива. Даже сонные глаза Леройда начали проясняться, и он облегчил свой дух, рассказав длинную историю, в которой фигурировали и переплетались между собой: экскурсия к Мальгемской гавани, девушка из Петлей Бригта, кули, сам Леройд и пара бутылок.

– Вот так-то я и разрубил ему голову от подбородка до волос, и ему из-за этого пришлось целый месяц проваляться, – задумчиво сказал Леройд в заключение.

Мельваней очнулся от мечтаний (он лежал) и помахивал ногами в воздухе.

– Ты настоящий мужчина, Леройд, – критически произнес он. – Но ты дрался только с людьми, а это может повторяться каждый день; вот я, так, поборолся с привидением, а это – случай далеко не обыкновенный.

– Ну-ну! – протянул Орзирис и бросил в него пробку. – Поднимайся-ка и убирайся домой со своими приключениями. Это ли еще не вранье? Уж это такое вранье, какого, кажется, мы еще не слыхали.

– Истинная правда, – ответил Мельваней. Он протянул свою огромную руку и схватил Орзириса за воротник. – Что теперь скажешь, сынок? Будешь мешать мне говорить в другой раз? – И, подчеркивая значение своего вопроса, он потрянул его.

– Нет, но я сделаю кое-что другое, – ответил Орзирис, изо-

гнулся, схватил трубку Мельванея и, держа ее далеко от себя, прибавил: – Если ты не отпустишь меня, я швырну ее через ров.

– Ах ты, шельма, разбойник! Только ее одну я и люблю! Обращайся с ней нежно, не то я швырну тебя самого. Если эта трубка разобьется... Ах! Отдайте ее мне, сэр!

Орзирис передал мне сокровище Мельванея. Трубка была сделана из прекрасной глины и блестела, как черный шар на выборах. Я почтительно взял ее, но остался тверд.

– А вы расскажете нам о драке с привидением, если я отдам ее? – спросил я.

– Разве все дело в истории? Я все время хотел рассказать о моем столкновении с призраком и только подготовился к этому, «действуя по-своему», как сказал Попп Доггль, когда мы заметили, что он старается забить патрон в отверстие дула. Ну, Орзирис, прочь!

Мельваней освободил маленького лондонца, взял свою трубку, набил ее, и его глаза заблестели. Ни у кого нет таких красноречивых глаз, как у него.

– Говорил ли я вам когда-нибудь, – начал он, – что в свое время я был чертовски бедовый малый?

– Говорил, – сказал Леройд с такой детской торжественностью, что Орзирис завыл от хохота; дело в том, что Мельваней вечно толковал нам о своих прошлых великих достоинствах.

– Говорил ли я вам, – спокойно продолжал Мельваней, –

что некогда я был еще более дьявольски бедовым малым, чем теперь?

– Святая Мария! Да неужели? – насмешливо спросил Орзирис.

– Когда я носил чин капрала (потом меня лишили его), но, повторяю, когда я носил чин капрала, дьявольски бедовым малым был я.

Он помолчал с минуту; его ум перебирал старые воспоминания; глаза горели. Наконец, покусав трубку, Мельваней начал свой рассказ.

– Ох, славные это были времена! Теперь я стар; местами моя кожа истерлась; служба истомила меня, да притом я и женат. Но в свое время я попользовался-таки жизнью, и ничто не может помешать мне наслаждаться воспоминаниями об этом. О, было время, когда я грешил чуть ли не против каждой из десяти заповедей между утренней зарей и временем тушения огней и сдувал пену с пива, утирал свои усы обратной стороной кисти руки и после всего этого спал сном невинного младенца. Но это время прошло, прошло и никогда не вернется, даже если бы я целую неделю молился как по воскресеньям. Осмеливался ли кто-нибудь в старом полку пальцем тронуть капрала Теренса Мельванея? Никогда не встречал такого человека. В те дни каждая женщина, не ведьма, по моему мнению, стоила того, чтобы я бежал за ней; каждый мужчина был моим лучшим другом или... мы вступали с ним в бой и на деле решали, кто из нас лучше.

Когда я был капралом, я не поменялся бы местом с полковником... Нет, даже с главнокомандующим. Я надеялся стать сержантом; мне казалось, что я могу быть кем угодно. Мать небесная, посмотрите на меня! Что я теперь такое?

Мы стояли в большом укрепленном лагере (не стоит говорить название, потому что мой рассказ может бросить тень на те бараки), и я чувствовал себя чуть ли не императором всей земли; две или три женщины разделяли мое мнение. Разве их можно осуждать за это? Пробыли мы там около года, и вот Брегин, туземный сержант роты Е, женился на горничной одной очень богатой и важной леди. Энни Брегин умерла при родах, в Кирпа-Тали (а может быть, в Альморакхе?) семь-девять лет тому назад, и Брегин снова женился. Прехорошенькая женщина была Энни в то время, когда Брегин ввел ее в лагерное общество. Ее глаза отливали коричневым цветом крыла бабочки, на которое падает солнце; талия ее казалась не толще моей руки; ротик был нежным бутончиком, и, право, я прошел бы через всю Азию, покрытую щетиной штыков, чтобы только поцеловать эти губы. Ее волосы, длинные, как хвост боевого коня полковника (извините, что я упоминаю об этом животном рядом с именем Энни Брегин), походили на золото, и в свое время одна их прядь казалась мне дороже бриллиантов. Право, до сих пор я не видел ни одной красивой женщины (а мне случалось встречать малую толику красавиц), которая годилась бы в служанки Энни Брегин.

Впервые я увидел ее в католической часовне, так как, стоя во время службы, по своему обыкновению, ворочал глазами с целью подметить все, что стоило видеть.

– Ну, ты, красотка, слишком хороша для Брегина, – говорю я себе, – но я исправлю эту ошибку, не будь я Теренс Мельваней.

Послушайтесь моего совета, вы, Орзирис и Леройд, держитесь подальше от помещений семейных; я не делал этого. Такие вещи не доводят до добра, и, того и гляди, неосторожного найдут возле чужого порога, лежащим ничком в грязи, с ножом в затылке. Так мы нашли сержанта О'Хара, которого Рафферти убил шесть лет тому назад. Этот молодчик шел навстречу смерти с напыженными волосами и тихонько насвистывая песню «Ларри О'Рурк». Держитесь подальше от квартир семейных, чего, повторяю, не делал я. Это нездорово, это опасно, вообще дурно, однако, клянусь душой, в свое время кажется таким заманчивым, таким сладким!

Когда я носил чин капрала (потом меня лишили его), я вечно шнырял вокруг да около квартир семейных, но ни разу не добился от Энни Брегин доброго слова.

«Это женские хитрости», – говорил я себе, поправляя фуражку, выпрямлял спину (в те дни это была спина тамбур-мажора), уходил прочь, точно мне было все равно; между тем женщины в семейных квартирах смеялись. Я был убежден, – как, думается мне, убеждено и большинство юнцов, – что ни одна женщина, рожденная женщиной, не усто-

ит, если я ее пальцем поманю. У меня было достаточно причин думать так... пока я не встретил Энни Брегин.

Шатаясь в темноте около квартир семейных, я несколько раз встречал темную фигуру какого-то солдата. Он проходил мимо меня без шума, крался тихо, как кошка.

«Странно, – думал я, – я единственный, или должен быть единственным, мужчина в этой части лагеря в этот час. Что задумала Энни?»

Я тотчас же принимался бранить себя за подобные мысли о ней, тем не менее не гнал их. Заметьте, так обыкновенно поступают мужчины.

Раз вечером я сказал:

– Миссис Брегин, не примите моих слов за непочтение, но скажите, кто тот капрал (я видел нашивки на мундире солдата, хотя ни разу не мог разглядеть его лица), кто тот капрал, который всегда встречается мне, когда я ухожу отсюда?

– Матерь Божия, – сказала она и побледнела, как мой пояс. – Вы тоже видели его?

– Видел ли? – отвечаю я ей на это. – Конечно, видел! Если вы хотите, чтобы я его не видел, – мы стояли и разговаривали в темноте возле веранды квартиры Брегина, – лучше скажите мне, чтобы я закрыл глаза. Да вот, если не ошибаюсь, опять он.

И действительно, капрал подходил к нам, шагая с опущенной головой, точно стыдясь самого себя.

– Спокойной ночи, миссис Брегин, – холодно говорю я, –

не мне вмешиваться в ваши «амуры», однако вам следует быть поскромнее. Я иду в погребок, – прибавил я.

Я повернулся на каблуках и ушел, бормоча, что задам этому человеку такую трепку, после которой он целый месяц не будет шататься около помещений семейных. Но не сделал я и десяти шагов, как Энни Брегин повисла на моей руке; в ту же секунду я почувствовал, что она дрожит.

– Побудьте со мной, мистер Мельваней, – сказала Энни, – вы, по крайней мере, человек из плоти и крови. Правда?

– Ну, конечно, – сказал я, и мой гнев как рукой сняло. – Разве меня нужно дважды просить остаться, Энни?

И, говоря это, я обхватил рукой ее талию; ей-богу, мне представилось, что она уступает моему чувству и что я победил.

– Это что за глупости? – сказала Энни и поднялась на цыпочки своих милых маленьких ножек. – На ваших дерзких губах еще молоко не обсохло! Пустите меня!

– Разве секунду тому назад вы сами не сказали, что я человек из плоти и крови? – возразил я. – С тех пор я не изменился и действую по-человечески.

Я не отпускал ее.

– Руки прочь! – сказала Энни, и ее глаза блеснули.

– Поистине это в человеческой природе, – продолжал я, не убирая руки.

– Природа это или не природа, – ответила она, – уберите руку, не то я все расскажу Брегину, и он изменит природу

вашего лица. За кого вы меня принимаете?

– За женщину, – ответил я, – да при том еще за самую хорошенькую женщину во всем лагере.

– Я жена, – ответила она, – и самая честная во всем лагере. Тогда я выпустил ее талию, отступил на два шага и отдал ей честь; я увидел, что она говорит очень серьезно.

– Проницательны же вы! За такую прозорливость большинство отдало бы многое. Но что вселяет в вас уверенность? – спросил я в интересах науки.

– Наблюдайте за рукой женщины, – сказал Мельваней, – если она сжимает кулак и ее большой палец прячется под сгибы остальных четырех, снимите шляпу и уходите; продолжая ухаживать за ней, вы только останетесь с носом. Если же рука женщины ложится на колени открытая, или вы видите, что ваша собеседница старается сжать пальцы, но не может – продолжайте говорить ласковые слова. Ее можно умаслить.

Так вот, повторяю, я отступил, отдал ей честь и пошел прочь.

– Оставайтесь, – сказала она. – Смотрите. Он возвращается.

Энни указала на веранду и – что за дерзость! – капрал показался из помещения Брегина!..

– Пятый вечер повторяется это. Ах, что мне делать? – простонала Энни.

– Больше не повторится, – сказал я. Мне безумно хотелось

подраться.

Всегда сторонитесь человека, любовь которого только что оскорбили; сторонитесь, пока в нем не поутихнет лихорадка, он свирепствует, как дикий зверь.

Я подошел к капралу на веранде и, верно как то, что сижу здесь, решил выколотить из него жизнь. Он выскользнул на открытое место.

– Зачем вы шляетесь здесь, пена из грязной канавы? – вежливо говорю я ему в виде предупреждения: я хотел, чтобы он успел приготовиться.

Он не поднял головы, но сказал так уныло и печально, точно думал, что я пожалею его: «Я не могу ее найти!»

– Поистине – сказал я, – вы слишком долго оставались с вашими исканиями в помещениях приличных замужних женщин! Поднимите голову, вы, замерзший библейский вор! – прибавил я. – Тогда вы увидите все, что вам надо, да и еще кое-что сверх того!

Но он головы не поднял, и я ударил его; моя рука скользнула вверх от его плеча до корней волос над бровями.

– Вот это тебя окончательно успокоит! – сказал я и чуть не пострадал сам. Опуская руку, я навалился на капрала всем телом, но ударил в пустое место и почти вывихнул себе плечевой сустав. Капрала не было передо мной; Энни же, смотревшая на нас с веранды, упала, дрыгнув ногами, точно петух, которому мальчик-барабанщик свернул шею. Я вернулся к ней: живая женщина, да еще такая, как Энни Брегин,

значит гораздо больше, чем целый учебный плац привидений. Я никогда не видывал женщины в обмороке, стоял над ней, точно прибитый теленок, спрашивал ее, не умерла ли она, и просил во имя любви ко мне, любви к мужу, к Святой Деве открыть свои благословенные глазки. В то время я называл себя всем, что есть скверного под сводом небесным, за то, что надоедал ей жалкими «амурами» в то время, когда мне следовало защищать ее от капрала, забывшего номер своей столовой.

Право, не помню всех глупостей, которые я наговорил тогда, однако я не окончательно потерял голову и потому услышал шаги по грязи около дома. Возвращался Брегин, и к Энни вернулась жизнь. Я отскочил в отдаленный угол веранды, кажется, с выражением лица человека, во рту которого кусок масла ни за что не хочет растаять. Я ведь знал, что миссис Кин, жена квартирмейстера, сплетничала Брегину и говорила ему, что я вечно кружу около Энни.

– Я вами недоволен, Мельваней, – сказал Брегин, отстегивая свой тесак: он пришел с дежурства.

– Неприятно слышать это, – ответил я. – А почему, сержант?

– Спустимся, – продолжал он, – и я вам покажу почему.

– Хорошо, – сказал я, – только мои нашивки не настолько стары, чтобы я мог позволить себе потерять их. Скажите мне теперь, с кем я должен выйти на открытую площадку?

Он был человек сообразительный, справедливый и понял,

чего я желаю.

– С мужем миссис Брегин, – сказал он. Судя по моей просьбе оказать мне одолжение, он мог понять, что я не оскорбил его.

Мы прошли за арсенал; я скинул с себя платье и в течение десяти минут мешал ему убить себя о мои кулаки. Он бесновался, как собака, от остервенения пена выступала у него на губах, но где ему было справиться с моей меткостью, искусством и с прочим...

– Хотите выслушать объяснение? – сказал я, когда его первое озлобление улеглось.

– Нет, не буду слушать, пока могу видеть, – ответил он.

В ту же минуту я быстро дважды ударил его; хватил по низко опущенной руке, которой он защищался, как его учили, когда он был мальчиком, и по брови; мой второй удар скользнул до его скулы.

– Ну а теперь согласны ли вы на объяснения, храбрец? – спросил я.

– Нет, я не стану с вами объясняться, пока могу говорить, – сказал он, шатаясь и слепой, как пень. Мне было противно сделать то, что я сделал, но я обошел вокруг Брегина и ударил его по челюсти сбоку, да так, что передвинул ее справа налево.

– Выслушаете вы теперь объяснения? – сказал я. – Я еле сдерживаю свое раздражение, но, пожалуй, скоро выйду из себя и тогда, конечно, нанесу вам какое-нибудь поврежде-

ние.

– Не буду слушать, пока стою на ногах, – пробормотал он уголком рта. Тут я снова кинулся на него, бросил его на землю, слепого, немого, ослабевшего, и вправил ему челюсть.

– Вы старый дурак, мистер Брегин, – сказал я.

– А вы молодой разбойник, – ответил он, – вы с Энни разбили мое сердце.

И, лежа на земле, он заплакал, точно ребенок. Мне было так грустно, как еще никогда в жизни. Ужасно видеть слезы сильного человека.

– Я готов поклясться на кресте, – сказал я.

– Мне нет дела до ваших клятв, – ответил он.

– Вернемся к вам домой, – сказал я, – если вы не верите живым, вы должны выслушать мертвого.

Я поднял Брегина и потащил его к нему в квартиру.

– Миссис Брегин, – говорю, – вот человек, которого вы, может быть, вылечите скорее, чем я.

– Вы опозорили меня в глазах моей жены, – прохныкал он.

– Разве? – спросил я. – Глядя на лицо миссис Брегин, я думаю, что мне попадет больше, чем попало вам.

И действительно попало! Энни Брегин расвирепела от негодования. Нет ни одного известного приличной женщине ругательного названия, которым она не наградила бы меня. Однажды в дежурной комнате полковник минут пятнадцать расхаживал вокруг меня, как обруч вокруг бочонка, и бранил за то, что я, полураздетый идиот, отправился в лавку;

но все, что когда-либо сходило ради меня с его острого языка, было мягко, как стакан имбирного пива, в сравнении со словами, которые сказала мне Энни. И заметьте, так всегда поступают женщины.

Когда она замолчала, чтобы перевести дух, и наклонилась над своим мужем, я сказал:

– Все это правда: я негодяй и вы честная женщина, но неужели вы не скажете Брегину о маленькой услуге, которую я оказал вам?

Как только я это проговорил, в ту же самую минуту капрал опять подошел к веранде; Энни Брегин вскрикнула. Луна поднялась, и мы могли разглядеть лицо призрака.

– Я не могу найти ее, – сказал капрал и вдруг рассеялся, как дым от свечки.

– Святые, защитите нас от зла! – прошептал Брегин и перекрестился. – Это Флехи, из полка тайронцев.

– Кто он? – спросил я. – Ведь он порядочно-таки поборолся со мной сегодня.

Брегин рассказал нам, что Флехи был капралом; что три года тому назад в этих комнатах его жена умерла от холеры; что он сошел с ума и, когда его похоронили, стал расхаживать, отыскивая ее.

– Ну, – сказал я Брегину, – последние две недели он выходил из Чистилища, чтобы каждый вечер бывать в обществе миссис Брегин. Итак, скажите миссис Кин (я знаю, она болтала вам, а вы слушали), что ей следует понимать разницу

между живым человеком и привидением. Она была три раза замужем, а ваша жена слишком хороша для вас. Между тем вы бросаете ее, предоставляя привидениям и всяким там злым духам надоедать ей. Никогда больше не буду я из вежливости разговаривать с чьей-либо женой. Покойной ночи вам обоим. – Так я ушел после борьбы с женщиной, с мужчиной и с дьяволом, все – в течение одного часа. Я дал отцу Виктору одну рупию за мессу, за упокой души Флехи, ведь я потревожил его, двинув кулаком его особу.

– У вас широкие взгляды на вежливость, Мельваней, – заметил я.

– Это зависит от точки зрения, – спокойно произнес он, – Энни Брегин никогда меня не любила. Тем не менее я не хотел оставить что-нибудь невыясненное, за что Брегин, пожалуй, опять вздумал бы зацепиться и снова рассердился бы на нее, раз откровенное замечание могло разъяснить дело. Лучше всего в мире – откровенность. Орзирис, дай-ка мне заглянуть вон в ту бутылку, потому что у меня в горле пересохло совершенно так, как в ту минуту, когда я думал сорвать поцелуй с губ Энни Брегин. А это было четырнадцать лет тому назад. О, мой родной Корк и его голубое небо! И какие времена, какие времена тогда были!